

Виктор Вадимов

Мижирги 5 А

Сакраменто

2 0 0 6

Виктор Вадимов

МИЖИРГИ

5 А

Редактор: автор

Издательство: п Ω μ

Издание ☒: ©рукотворное

Тираж ¶: нумерованный, Экз.# 04

Вообще-то, я человек общительный. Ей-богу! Спросите кого угодно из всех, кто знал меня, и каждый подтвердит: да! У тебя ж столько друзей, говорят. У тебя ж столько жён, говорят. Столько детей – сам, наверное, не знаешь, сколько! А уж твоих знакомых девушек, а уж твоих знакомцев по всему свету – и вовсе не сосчитать!

Сам я ничего не делаю для такой славы. Как говорится, слухи о моей смерти сильно преувеличины.

Ну, общительный, да, особенно, если разговор хороший складывается. Почему ему плохо складываться? Особенно при знакомстве: поначалу все мы загадочные и интересные. Ну, люблю встретить старых друзей – а кто не любит? Узнать, кто во что превратился и куда кого занесло. Ну, увлекающийся: конечно, у женщины все недостатки потом проявляются, а вначале, наоборот, каждая пытается произвести наилучшее впечатление. Человек я ещё и доверчивый, что говорят, тому и верю. Да и надежда встретить ЕЁ неубиваема, и восхищаться я всегда готовый!

Но на самом деле, как говорится, в душе, я всегда чувствовал себя очень одиноким.

Многие так говорят (особенно девушкам!), и уж несметное число о таких написано, но у меня это с детства пошло. То ли потому что один в семье рос, а вокруг все имели братишек или сестрёнок, и им не надо было даже на улицу бегать, чтобы тут же заводить себе игры-развлечения. То ли, наоборот, потому что игры-развлечения у меня были на первом месте, а в одиночестве, как самому с собою в шахматы или в карты играть, эффект неожиданности – не тот! Может быть, и жилищный вопрос донимал – не было у меня почему-то в детстве ни угла своего ни игрушек, а хотелось, конечно, кому же того не хочется хоть бы и не в детстве даже?

Зато книг хватало, так что вскоре я и вправду большую часть времени своей жизни стал проводить с ними.

Общительный, но в душе – страшно одинокий. Эдакий Печорин-Онегин, а потом уж и Чацкий. По любовной терминологии – “раненый”, чтобы вызывать сочувствие у девушек в любви по переписке. Эдакий расхожий мужской тип, совсем как расхожий женский тип, эдакие сказки про девушек, берегущих своё девичество.

Да никто ничего не бережёт! Наоборот, стараются избавиться от него как можно скорее! Жертвуя своим и не своим здоровьем очень даже шустро. Сами очень модные и многочисленные в теперешние времена писательницы из всех своих сил это же и утверждают со знанием дела. И не устают заниматься этим утверждением, наверное, чтобы изничтожить всяческие иллюзии. Секс, мол, дело житейское. Не будем переходить на личности, а вернёмся к более тонкому и совершенно индивидуальному вопросу об одиночестве.

Во-первых, предмет этот не материальный, измерению не подлежит, проверяется на веру. Кто может зафиксировать его? Я сам. Ну, и Вы, если захотите поверить мне. Потому что большинство признаваться в этом не спешат, кроме тех случаев, когда совсем другое имеют в виду, а именно, что, мол, я сейчас свободен, в смысле, как подруга Дартаньяна Констанция выразилась, кроме мужа никого у меня нет! А так кто же признается? Что, ненормальный? Или плохой такой, что совсем один? Мешком прибитый? Туп? Урод? Зверюга какой?

На самом деле все мы одиноки. Даже в Любви, как ещё Ги де Мопассан отметил, лишь кратковременная вспышка иллюзии в пиковый момент – и всё, снова один. Не зря же все религии противопоставляют Личности – самого Б-га: каждый, мол, лично, мол, под глазом Б-жьим! Видите: Каждый! И лично – в ответе!

Раствориться в шуме вечеринки-пьянки “и с незнакомыми лицами слиться” – это приятно, это отвлекает от тяжёлых дум или событий, от себя, как часто говорят. Хотя большинство нас так и

живут: от одного отвлечения до другого развлечения. Дом – работа, семья – телевизор, будни – праздники: “так проходит вся жизнь в угаре пьяном!”

Но есть такие, кого всё время – заметьте: всё время! – гнетёт ощущение своего одиночества.

Как уже говорил, меня чувство одиночества постигло ещё в детстве.

Читать учился я на подаренной не помню кем книге “Русские богатыри”. На обложке – сам Илья Муромец на белом коне богатырском в тяжёлой кольчуге и со сверкающим шлемом на голове. В руке – тяжёлая шипатая булава, может, палица, нет, всё-таки булава с круглым набалдашником и толстенной богатырской ручкой с узорчатой ременной петлёй, а вокруг – только травушка-муравушка и цветы луговые, и никого больше!

Так и запало в душу, что все богатыри в одиночку ездили со Змеями сражаться и красавиц спасать.

А народ и князья, которых всех вместе богатыри тоже в одиночку и тоже спасали, по колено и глубже в землю проваливаясь от страшных ударов в жестокой битве, спасённые потом забывали своего спасителя на победный пир пригласить!

Или того хуже, хитростью заманивали доверчивого в подземелье и там оставляли на много-много лет, пока новая беда не приходила, и они кланялись тогда простодушному лбом до земли, просили простить и просили снова помочь и снова спасти.

Один на один сражался Алёша Попович с Тугарином Змеёвичем, Добрыня Никитич со Змеем о 12 головах, не говоря уже об Илье Муромце против Идолища Поганого, от которого, как упал он поверженный, так Земля-Матушка сотряслась!

Только Вольга Всеславьевич имел дружину боевую о 33 богатырях-погодках, но и он в трудную минуту рассчитывать мог только на себя.

Таковая, значит, Жизнь.

Собирая новые и новые книги о богатырях, сам, как и они, тоже в одиночку продираясь сквозь строй бесконечных буквенных рядов и страниц, с трудом выстраиваемых в слова и события, забывал я о горьком и неминуемом своём одиночестве. Так остался и этот урок: лишь увлечённость спасает и выводит из-под гнёта этого тяжёлого ощущения самого себя с самим собою совсем наедине.

Давно замечено, именно отмеченные одиночеством стараются общением занять всё свободное ото сна время. Какое ещё есть лучшее спасение?

В детских играх просыпалось пьянящее чувство единства. Уже оканчивая школу, познал я прелесть совместных посиделок да ещё с девушками – тоже хорошо отвлекает. Но совсем отвлекающе-завлекающе оказалось вступление в буйные ряды студенческой альпинистской секции.

Сам погибай, а Товарища спасай! Каждый в ответе за Каждого! Впереди Идущий прокладывает Всем путь! Такое – кого хочешь вдохновит.

На самом деле очень скоро проявилось, что в альпинизме, как и во всей нашей Жизни, всегда есть место подлости и благородству с альтруизмом и эгоизмом, но только на фоне Гор и настоящей Опасности. Но... Дорога затягивает... и-таки затянула. Естественно: я же человек увлекающийся.

Секция была большая и шумная. Быстро ввязался я в организаторы, и бурная деятельность не оставляла времени ни на что большее – уже хорошо. Оказался я небольшим скалолазом, и будущее моё спортивное не представлялось мне высокого полёта – это, как раз, не вдохновляло. Но как-то вместе со всеми от одних спортивных сборов до последующих, которые я же и организовывал, года за два выполнил я всё, что нужно, и получил второй спортивный разряд по альпинизму, который обычно люди делают за 3, а многие иногда – даже больше лет.

Всё, думалось, достиг потолка.

Но деятельность не оставлял, и летом сборы, где я опять был начальником, выехали в Безенгийское Ущелье Кавказа.

Из Нальчика мы выехали в отличную солнечную погоду. Но едва дорога начала извиваться по горным склонам, как мы, что называется, врезались в туман, да такой, что буквально, в двух шагах ничего не видно.

Сидел я почему-то в кабине, не помню, почему. То ли потому, что сказал, будто умею водить машину и люблю это занятие, то ли потому, что водитель сразу распознал во мне начальника – давно заметил, водилы, обычно, хорошие психологи.

Смотрю, прямо под колёсами – стайка голубей. Маленькие такие, дикие явно, но цвета, действительно, голубого, даже сизого, сказал бы, и сидят, не взлетают, так что сверху мне показалось, совсем уже им конец наступает.

Однажды на моих глазах раздавило голубя. Городской голубь на городской улице стоит на дороге и не чешется, троллейбус медленно наезжает, раздаётся противный хрустящий треск. На земле остаются плоскость утрамбованных сломанных крыльев и два пятна алой крови рядом. В памяти застрял этот самоубийца и сухой хруст живых костей.

Поэтому дёрнулся я к водителю.

– Стой! – кричу.

В это время птичья стайка взлетает и садится где-то в 5-ти метрах впереди, хотя их уже и не видно почти в тумане. Шофёр покосился на крик и снова вперился в дорогу. Снова чуть не накатил на странных диких голубей, опять вспорхнули они из-под самых колёс и снова уселись прямо впереди как раз посередине дороги и снова на пределе видимости.

Двигались мы очень осторожно и медленно, в течении, наверное, уж не менее часа, а то и более, пока не выехали из глубокого и узкого ущелья и из тумана одновременно.

В горах так бывает, выходишь в дождь, идёшь и идёшь под проливным потоком, потом вдруг дождь исчезает, и идёшь уже в тумане. Который оказывается просто облаком. Прорезаешь его по ходу насквозь от мокрого до сухого, но по-прежнему, непрозрачного, и сначала голова поднимается из белой мряки, в которой ещё ноги вязнут, а потом выходишь целиком на приятно жаркое солнце и широченный обзор и только удивляешься, как там внизу хлестало всюю! А может, и сейчас хлещет? Часто так и оказывалось.

Наверное, и наша машина, плавно поднимаясь по дороге, вырвалась потихоньку к солнцу. В ту же секунду птицы вспорхнули и улетели куда-то за нависавшую над нами скалу.

– Смотри, они как бы довели нас!

– Да... Главное, встречную не видно в тумане и не слышно из-за рёва реки в ущелье, а разъехаться тут трудно. Так что – очень помогли!

– А раньше встречалось такое?

– Бывало...

Сзади река проваливалась, казалось, прямо под дорогу, настолько стены там сплотились с двух сторон, а наверху горловина ущелья и вовсе стеснила обе стороны, извивая высокие стены змей и перекрывая ими, этими извивами, небо над головой, как навесом. Зато впереди расстилалась зелёная долина и спокойная гладь блестящей на солнце разлившейся воды.

У края дороги над рекой стоял старик с кучей туго набитых мешков. Гортанный разговор его с водителем был непонятен, но мешки пришлось втеснить в полный и без того кузов.

Старик сел в кабину, а я взгромоздился на выровнявшийся с бортами слой мешков и рюкзаков, выкинув ноги наружу.

Дальше попала семья туристов с мальчиком лет десяти. Водитель снова притормозил, и снова они как-то вместились в безмерный кузов, правда, кто где, а не рядом.

Дорога опять резко сузилась и пошла взбираться по кручам. Машина натужно редела, прижимаясь к скалам на поворотах – пришлось втянуть ноги вовнутрь. Чем круче, тем дорога дичала, и вот уже

машина проваливается на каждом встречном ручейке, где и капли воды-то уже нет, зато глубокие промоины с весны заровняться не успели.

Народ, тесно прижатый друг ко другу, разомлетый от солнца и гула бегущей машины, в основном, дрых.

Вдруг машина ухнула и даже вильнула задом к пропасти. Мотор тут же взревел, машина задрожала, пытаясь выкарабкаться. Все головы дружно вскинулись, а женщина вскочила в испуге и тут же с испуга-то прыгнула за борт.

Народ проводил её глазами пока машина, оскальзываясь и даже проваливаясь иногда, медленно и тяжело выползала из ямы и затем двинулась, раскатываясь, дальше.

Женщина догнала машину, на ходу взлезла обратно в кузов. Муж её спокойно снова погрузился в сон, а сын, вскочив, поводит-поводил глазами на родителей и сел, отвернувшись. Мы все старательно смотрели по сторонам. Женщина попунцовела-попунцовела и успокоилась. Все молчали.

Мне подумалось, останется ли этот случай в памяти пацана? Станет ли она потом оправдываться перед ними?

Скоре туристы забарабанили по кабине и сошли. А ещё часа через два показалась Безенгийская Стена.

Тогда ничего подобного я ещё не видел. Во-первых, перепад в 3 км – это всегда впечатляет. Во-вторых, их там две: большая и малая. Из 7 “пятитысячников” Кавказа в Безенги их – 5, (а 2 ещё – это известные всем Эльбрус и Казбек). В Большой Безенгийской Стене из пяти – 3, но зато от Гестолы и до Дых-Тау все вершины выстроились прямой стрункой на фоне синего неба. И главное, где-то посередине высоты висят матово сине-зелёные льды. Утром, когда лёд сверкает под лучами восходящего солнца, – глаз не отвести от этого цветного глубинного сияния особенно в сочетании с белизной снегов ещё выше. Вечером, контраст и цвета уже не отвлекают, и тогда громада висячих

Вид снизу на Большую Безенгийскую Стену с “поворота” ледника. Гестола (фотография на обложке) да и вся стена издали смотрятся гораздо величественнее.

ледников поражает массой и размерами. В целом, не сказать лучше, чем сказал поэт, но не альпинист:

Здесь голубым сияньем льдов весь склон облит.
И тайну чьих-нибудь следов Гранит хранит.
А я смотрю свою Мечту поверх голов
И свято верю в чистоту снегов! И слов...
Среди нехоженных путей
Один – пусть мой!
Среди не взятых рубежей
Один – за мной.

А имена тех, кто здесь лёг, снега таят...
 Среди нехоженных дорог одна – моя!
 И пусть пройдёт немалый срок,
 Мне не забыть,
 Как здесь сомнения в себе
 Я – смог! – убить!

Начало в горах всегда одинаково: занятия-занятия-занятия... Потом начались тренировочные восхождения, а потом вдруг я куда-то выпал. Не то, чтобы в осадок, но все группы “наших” как-то сгруппировались, а меня среди них нет. И что интересно, как “начальник” я участвовал в обсуждении, распределении и компановке, но только начуч альплагеря “Безенги” – начальник учебной части, который одновременно был и тренером нашей секции и начучем наших сборов – как-то незамысловато пропускал мою кандидатуру до поры до времени, пока не обнаружилось, что нет мне места в стройных спортивных шеренгах! Мне довериться бы ему, начальству – всегда виднее, но случилось закономерное: “Когда одиночество комом подкатит под горло... Под горло!” И задумал я тихохонько смыться.

Вот разберусь с делами, порассовываю их по сторонам – и до свидания! Вернее – прощайте! Знаю я эти социалистические ужимки. “Наши” называются... Наше, значит, ничьё. Наши, значит, ничьи, и уж не мои, значит, люди, не мои, значит, друзья. Никто даже не спросил, что же с Вадимовым? Себя не похвалишь, никто тебя и не заметит, а скромность наказуема. Впрочем, не надо обманываться, меньше разочарований! Вождь и Учитель – не панацея...

Как сказал бард бардов: Он одинок, как ветка в поле, косым омытая дождём. Давно ли, долго ли, легко ли – никто не спросит ни о чём.

Можно было бы уехать в тот же день, когда это открытие прояснилось, с шоферами я уже был Вась-Вась, да, вот, незадача, не могу деньги общественные найти. Что называется, дальше положишь, ближе возьмёшь, а тут, как сквозь землю провалились! Деньги большие, по нашим индивидуальным меркам, уехать так – но они нужны ещё здесь! Надо найти, сдать Вождю под каким-нибудь предлогом, и тогда уже – как птичка!

Так прошло 2 долгих дня в натужной общительности и тайных поисках и сборах. На второй только день после обеда обнаружили злосчастные, как положено, в старом носке под кроватью, кстати, Вождя, которому, я и забыл, что сдал кассу перед последним выходом. Он же напомнил. Ну, наконец, свободен!..

Но на третий день с утра пораньше подходит ко мне незнакомый, назовём его Володей Дорф, например, и предлагает совместное восхождение. Да не куда-нибудь, а на пятёрочку – 5-й категории трудности, которых у меня и не было ещё в послужном списке! Которую, не знаю даже, смогу ли осилить?

– Да почему я?

– Начуч рекомендует.

Вон как! Ёкнуло, всё-таки! У меня в груди тоже что-то шевельнулось и диафрагму приподняло немножко.

– А кто ещё идёт-то?

– Саша из Москвы и Вера из Днепропетровска.

Конечно, достоверность имён не обязательна, а вот имя Вершины перевернуть нельзя: Мижирги!

Дело в том, что эта гора расположена на самом краю Малой Безенгийской Стены, но зато, во-первых, она тоже пятитысячник, а во-вторых, в отличие от белоснежной Большой Стены, именно Мижирги смотрится огромным, но чёрным массивом – тоже на 3 км вверх! – крутенных скальных стен, на которых снегу негде задержаться и ледников, поэтому, нет.

Обе Стены пересекаются двумя почти перпендикулярными линиями огромного снежно-ледового перевала между этой самой Мижирги и тоже массивной и высоченной Дых-Тау. Другую сторону Малой Стены замыкает ещё один пятитысячник Коштан-Тау, провал и менее высокие вершины между ним и Мижирги только подчёркивает масштабность обоих. Кстати, всё это Балкария, и Тау означает просто Гора.

Итак, Вершина – то, что надо! И маршрут – лучше не пожелаешь, но я же никого из этих ребят не знаю! А ответ надо давать сразу, ну, или ехать домой, только теперь после такого великолепного предложения, как это будет выглядеть?

Ребята – это, вроде, присказка, на самом деле все трое совсем уже не ребята. Володя хотя бы явно выбеганный, тренированный, но лет за 40. Саша рыхловат, чтобы не сказать пухл. Вера очень симпатична, но совсем не 18-летняя гибкая скалолазочка. Однако, разговор и знакомство состоялись, и как бы естественно и непрерывно перешли в подготовку к выходу. Не я организатор на этот раз, да и куда мне, когда я со страхом даже думал о предстоящем моём первом маршруте такой трудности!

Руководителем был Володя, как бы иницирующий данное мероприятие.

Выходили мы в прекрасную солнечную погоду.

Рюкзаки на 4-5 дней весили килограммов за 20. Я подошёл в шортах и рубашке с короткими рукавами.

– У тебя, что, брюк нет?

Секунду стоял я совсем ошалелый. В наших студенческих нравах высшим шиком было подойти под самые скалы в лёгких шортиках и рубашечке, хотя на лекциях нам усиленно вбивали о “закрытых” коленках и локтях. Сегодня сама мысль вообще о каких-то требованиях выглядит диковато. Но и тогда на “подходах” в одежде допускалась некая вольница.

– Есть в рюкзаке брюки штормовочные, пуховые, спортивное и шерстяное трико!

Володя постоял, помолчал, вдумчиво опустив взгляд в землю. Потом аккуратно поднял свой рюк и пошёл. Мы зашагали вослед.

Вечное моё проклятие – это явная идиосинкразия у любого начальства. Почему-то всегда вызываю у начальника желание проверить на мне свою начальственную харизму. Мне кажется, на мне печать одиночества, но качество печати, очевидно, недостаточно определительно, и потому любому даже кратковременному руководителю чудится в ней, в печати на моём челе, какая-то излишняя и вызывающая независимость, которой нужно срочно “обломать рога”. Вот этого мне на моей первой “пятёрочке” только и не хватало!

Безенгийский ледник – мощное устройство. Огромная масса льда валяется меж хребтами под южным солнцем и как бы совсем на его тепло не реагирует. Однако, внизу из-под высокого потолка ледникового грота вытекает готовая многоструйная и ревущая река, которую уже нигде вброд не перейти аж до самой Кубани. Берега ледника тоже нечто нешуточное из застывшего селя, то-есть грязевой смеси разнокалиберных камней, срывающихся и падающих вниз по одному им известному расписанию с любой разнообразнейшей высоты, вплоть до максимальной, даже в самой его нижней части – не менее 2-х–3-хсотметровой, а дальше – просто переходящей в горные уже километровые склоны. Поэтому приятней спускаться или подниматься здесь в хорошую погоду, а в плохую, бывали случаи, приходилось доставать верёвочки и устраивать себе новые приключения.

На спусковой тропе особенно не разгонишься. Мы все вчетвером гуськом шли себе, покачивая задами под рюкзаками на резких поворотах извивающихся круто ниспадающих натоптанных следов. Но вот следы ныряют в колдобину и выныривают грязевыми слепками на ноздреватой поверхности, но уже ледяной.

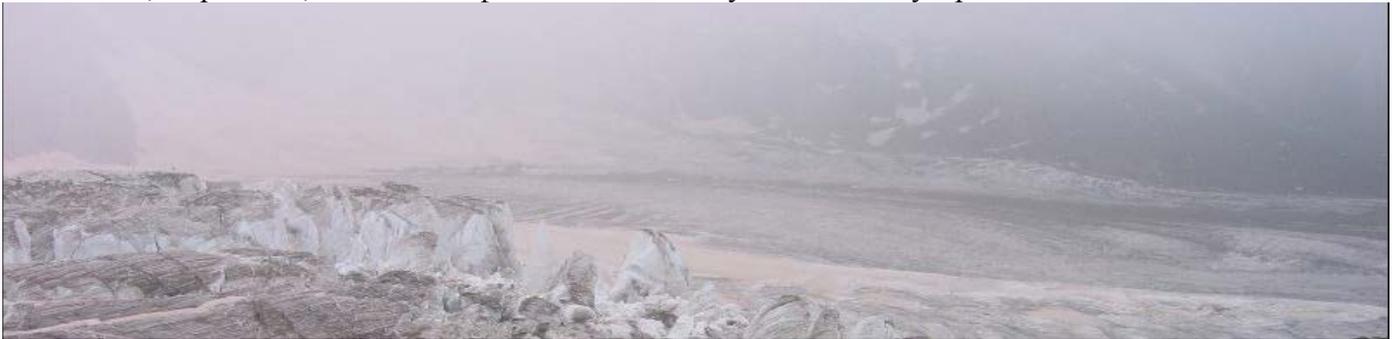
На леднике обычно разбредаются помаленьку, потому что каждому по-разному смотрится наиболее ровный и удобный путь по немерянной в нижней части ширине сплошного льда.

Вдруг Володя остановился. Мы втроём с разных сторон подошли к нему. Он стоит молча, молча рассматривая лёд под ногами, как бы не решаясь начать говорить. Потом хмуро осмотрел нас, повернулся и опять молча снова зашагал вперёд. Вера, чуть замешкавшись, шагнула следом. Саша подстроился к ним, а за ним уже и я замкнул наш скромный отряд.

Пусть скромный, но зато с величественной целью!

Володя выводил на срединную морену.

Есть такая рекомендация в учебниках по альпинизму использовать срединную морену ради безопасности, чтобы подальше от возможных падающих со склонов камней. Но на больших ледниках, а Безенгийский маленьким никак не назовёшь, такая морена образуется от слияния многих ледников и морен намного выше, там, где в горах снега трамбуют льды, здесь же до ближайшей стены – более километра! К тому же начальный путь был мне уже хорошо знаком, рядом с мореной был лёд, ровный, как асфальт! К нему я и устремился и зашагал себе

“Поворот” Безенгийского ледника. Вдали – чёрная полоса срединной морены.

прогулочным шагом, пока остальная троица выламывала себе ноги на груде наваленных камней, кой-где высотой метров до 10 и более надо мной. Вышагивал себе, гуляючи, пришлось мне ещё и припормаживать, чтобы не сильно обгонять остальных.

Внезапно крик сотряс горы и доли.

– Вадимов! Стань в строй!

Володя не смотрел на меня. Он стоял, опершись на ледоруб, и смотрел пристально вперёд. Саша смотрел под ноги. Вера умоляюще смотрела вниз на меня с высоты морены и незаметными гримасами как бы уговаривала не возражать, не возникать и подчиниться.

Йокала мене! Йетить-колотить трижды в твою-мою дивизию глаз растратуды и разсюды раскромшить и раздавить насовсем твою гать! Ну только полного сумасшествия не хватало мне на этом свете!

Иногда в жизни возникает ощущение, что что-то происходит, но как бы не на самом деле, а так, во сне, или мерещится, блазнит, может? В кино тогда люди щиплют себя за ухо, колют себе носы или трут глаза изо всех сил. В совсем старых кинешках – крестятся на все четыре стороны света. И уж конечно, каждый прежде всего невольно оглядывается по сторонам.

По всем сторонам от меня были горы. Безбрежный ледник выпячивался ледяным пузом, как море с корабля на горизонте. Солнце почти в зените заливало светом землю, что трудно было смотреть вокруг незащуренными глазами. Но в этом ярком и контрастнейшем живописном пейзаже никаким “строем” нигде и не пахло! Да и вообще ни одной живой души далеко-далеко вокруг не было ни видно ни слышно, что называется, днём с огнём! Кроме нас четверых.

– Виктор! – произнёс Володя тихим, но строгим голосом и повернул голову вбок. Теперь он смотрел куда-то вблизи направления, где я стоял, где я был, но не на меня, а куда-то повыше, поверх меня. Взгляд его был направлен с высоты морены куда-то вдаль, на что-то важное и значительное, видимое ему, заботящее его, печальное его голову, но мне, например, явно недоступное.

– Стань в строй. Или мы все пойдём сейчас обратно.

Теперь уже не было ни крика ни надрыва, но сила и решимость голоса не оставляли сомнений. И даже тени этих сомнений не метались под ярчайшим палящим солнцем.

Озирая нашу скромную группу, вышедшую с величественной Мижирги в голове, видел я своим воспаляющимся взором, как Верочка теперь скромно ковыряет ледорубом под ногами, а Саша явно переводит дух, пользуясь моментом передышки. Как полководец перед боем целеустремлённо, но терпеливо стоял и ждал Володя.

Как все ущербные люди, – а моё чувство одиночества ничем не хуже всякой другой ущербности! – я ещё и очень и очень обидчивый. Не злопамятный, но клянусь, очень обидчивый. Мои “девушки” быстро осваивали этот нюанс, как и те, кто хотел “дружить” со мною или просто использовать меня, где им казалось это удобным. Формальная вежливость всегда должна иметь место, а иначе я мог и забуриться, бывало и такое. Мог руки не подать в самый неподходящий прилюдный момент, а уж послать по адресу не то, что почитал святым делом, но почитал постыдным, если не послать вовремя, под красное словцо, так сказать.

В данном случае момент был очень подходящий, аж в горле першило! Только Горы смущали меня. Да, мне показалось тогда мелко пакостным выяснять этот “строй” перед лицом двух Безенгийских Стен, перед лицом Кавказа, наконец. Как бы принижение и оскорбление самой МИЖИРГИ мелочностью и незначительностью строевой склоки.

– Слушаюсь стать в строй! – гаркнул я.

Глотка у меня, надо сказать, Володе и не снилась! На работе, если зову к телефону, иногда, даже предупреждаю, сейчас, мол, рявкну, братцы, береги, мол, уши, товарищ! А в горах – тем более. Даже приятно раззудить горло-то... И тут гаркнуто было с охоткой. Отменно гаркнуто было – только эхо покатило, накатило в ледниковые берега, отразилось и поплыло в небесную синь – и оттуда мелкими россыпями уладило моё самолюбие.

Володя не охнул и не дрогнул. Размеренным шагом пошёл он мерять морену дальше. Прошедшая мимо “женщина в группе”, прятала остатки усмешки. Невозмутимый наш москвич прополз, как ни в чём не бывало. И я занял теперь уже понятное мне своё постоянное место в нашей команде.

Надо отдать должное Володе, шли мы боевито. Чёткие 55 минут ходьбы, 5 минут “перекур” – и снова вперёд и вверх. Обычный путь до развилки ледников – “поворот” – перед Стеной занял у нас почти на пол-часика меньше, чем обычно ходят. “Взлёт” или “Восточную Ступеньку” мы тоже как-то неожиданно жваво, как говорят на Украине, одолели, хотя шли, вроде, не быстро и очень размеренно.

Сплошной лёд начал перемежаться снежными островками. Вот уже и сплошной крутой снежник на перевал. Солнце ещё палило изрядно, мокрый снег проваливался всё глубже.

Володя по-прежнему шагал впереди, вытаптывая следы всё больше и больше вглубь. Вот где проявился его стратегический задум! Хорошо, что я шёл последним, и протоптанные уже тремя ямы в снегу не сильно заваливали свою влажность в мои ботинки и носки. А брюки теперь придётся доставать при первой возможности!

Группа наша была на удивление молчалива. Никто не предлагал сменить впереди идущего. Никто не ахал и не охал, как красиво вокруг, хотя поднялись мы уже порядочно. Мы, как бы, совершали круг почёта вокруг нашей Мижирги. Дых-Тау оказалась теперь у нас уже почти за спиной. Слева открывалась шапка Джанги-Тау, за которой белым равнобедренным треугольником на тёмно синем, но ярком фоне неба всё круче вырисовывалась Гестола. Направо в необозримую даль проглядывался прямой линией Главный Кавказский Хребет, гордой и наиболее высокой и достойной частью которого и была Большая Безенгийская Стена, что теперь, с высоты, было хорошо видно и совершенно очевидно. В набежавших с Запада, от Черного моря облаках где-то далеко прятался

двуглавый Эльбрус. На Востоке тоже не близко виднелся мощный снежный купол, может быть, Казбек. Без бинокля не разглядеть, надо будет достать его на привале.

Володя впереди вдруг начал спускаться в мульду. Снежник справа ещё вёл вверх к нависавшим скалам, но и впереди напрямую тоже можно было подойти к скальному гребню, который где-то далеко наверху должен был вывести к Вершине.

Моя альпинистская бывальщина начиналась в Цее. Цейский ледник, говорят, толщиной до полкилометра, и говорят, что по дну его можно пройти аж через Цейский Перевал. Местный егеря уверял меня в этом. И даже подводил к началу “тропы”, которую показал ему ещё его дед. Одна “матёрая” инструкторша рассказывала, что местный охотник водил её на перевал по сети ледовых трещин, глубоких до самого каменого ложа ледника. Солнца там не бывает, говорила она, но лучи мерцают и отражаются от ледяных зеркал.

Не знаю, куда и зачем он её водил, но что я видел сам и запомнил на всю жизнь, так это то, что под выпуклым ледником трещины сужающиеся. А под вогнутым, наоборот, расширяющиеся. Длина свободного падения, если оно, падение, приключается внезапно, во втором случае, значит, значительно менее неопределённая величина, значит. Даже наоборот, максимально возможная, ибо до самого дна, значит. Поэтому вогнутая снежная мульда на леднике меня совершенно не привлекала. И я разлепил губы.

– Володя, давай свяжемся!

Володя и ухом не повёл – рылом не почесался, ответом не удостоил, а продолжал себе барахтаться в снегу, который был ему здесь уже по пояс. Хотя именно его это касалось в первую очередь: первый впереди имеет все шансы провалиться первым. Вера с Сашей, как бы, призадумались и остановились в таком состоянии на некотором расстоянии от него.

Проклиная свою долю Одинокого Волка, пошёл я ва-банк. Остановился, с шумом сбросил рюкзак, показушно крикнув и похлопав его пузо, начал доставать верёвку, обвязку, карабины, и брюки, кстате. Не суетился, но и не возился, скромно занимался своим делом. Обратнo?! Значит, пойдём обратнo! Но без спасательных работ, черт подери вас всех совсем! Руководителей – особенно! И чёрт с вами, с вашей 5-кой, с вашим Мижирги!..

В прошлом году одна, с моей колокольни, очень сильная группа из “наших” с двумя отличными скалолазами в своём составе вернулась с этого же маршрута. Непогода, там, то да сё, но возвращаются всегда, когда не могут взойти. Когда не по силам, уж по каким бы то там причинам ни было. Так что эту нашу Гору я очень уважал и безрассудством заниматься не собирался. Если Володя и “забойщик” в нашей группе, то всё равно моя голова у меня на плечах, и моя ответственность им не снимается!..

В это время Володя провалился. Одна нога его рухнула, и только чёрный провал виднелся под нею. Моментально он классически распластался животом и руками на снегу, осторожно вытаскивая провалившуюся ногу и выпрямляя одновременно вторую вдоль сбоку на целинной ещё нетронутой белой поверхности. Это ему удалось. Он приподнялся и попробовал шагнуть теперь в сторону, противоположную прежней. И снова провалился. Теперь чернело под обеими его ногами.

– Бросьте мне верёвку!

Голос его был солиден, хотя дыхание явно сбилось. Мой ледоруб и страховочная петля были уже готовы к этому времени. Навязав петлю на конце верёвки, забросил её Володе и начал “выбирать” его. Он немного прополз, и приподнявшись, пошёл по своим следам обратнo.

– Связываемся, – кратко произнёс он.

Потом Володя снова пошёл к скалам, взяв чуть правее мульды на этот раз. Вера привычно двинулась за ним.

– Ве-е-е-ра! Отпусти его! Подальше!

Нарочно говорил я громко и недвусмысленно.

Вера испуганно взглянула в Володину спину, потом бросила взгляд на меня и послушно перебрала верёвку. Саша подождал пока они оба отойдут на достаточное расстояние и только тогда уже двинулся следом. И опять пошла у нас молчаливая и размеренная морока.

А ведь могло получиться всё и иначе! Пройди Володя благополучно, и мой выбрык был бы проявлением трусости или пресловутого выпендража. Нет, дружбы у нас всё равно не будет. То, что я оказался прав, только усугубит дело. И вдруг меня словно осенило! Как Вера попала в нашу “спортивную группу”?

Просто так на сложные маршруты “девушек” не берут. Либо в “сложившихся” коллективах, либо, как выражался Румата Эсторский, за особые заслуги. Это для меня Вера не была юной скалолазочкой, а для престарелого по студентческим понятиям Володи...

Понять Руководителя, как известно, наполовину приручить. Это мне не грозило, но его ревностное отношение к молодому нахалу, стало хоть как-то объяснимее. Да и что я знал о своих нынешних попутчиках? И что мне нужно знать? Нашему знакомству шёл юбилейный второй день от роду.

Любимое занятие интеллигентного человека обсуждать себе подобных. Особенно близких и знакомых хорошо просудить по самой высокой шкале:

–С ним? В разведку? Я?! Не-е-ет! Не пошёл бы!

Сколько раз слышал я подобное, но сам – никогда так не говорил. Пошёл бы! Знал я: пойдёшь, если пошлют. А пошлют – даже не спросят. Главное, чтобы не было войны... Тогда-то и только тогда и в разведку не надо с кем попало ходить.

Вот и сейчас, в этой ещё недавно совсем незнакомой мне группе людей – это для меня первая пятёрка, может, и последняя, если не повезёт. Может, последняя, даже, если повезёт: пройду её и пойму, что больше мне – не по зубам. А у всех этих “ребят” пятерки уже были, документы их я видел, послужной список примерно знал, и он, список их достижений, превышал мой по качеству и по количеству. Володя этим восхождением и этим руководством вообще завершал Первый разряд. Так-то вот оно.

Впереди идущие, повидимому, упёрлись в скалу. Сел я в снег на свой рюкзак и занялся ещё одной своей обязанностью. Был я назначен ещё и радистом в группе. Тоже занятие:

– Сокол! Сокол! Я – Сокол 2. Как слышишь? Приём!

Или так:

– Я – Сокол 2. Вас не слышу. У нас всё в порядке. Предупреждение о плохой погоде НЕ слышал. Идём на вершину. Как понял? Приём!

А руководитель в таком раскладе – не при чём! Уж не говоря, что рации тогда были и громоздкие и тяжёлые. И снимать-одевать потрошить рюкзак лишние 5-6 раз в день тоже не подарок, особенно на крутяке. Или вообще на стене. Правда, кто-то же должен это делать? Почему не я? Девушкам сие не поручается, руководитель – и так при деле, а из двоих оставшихся молодому – и карты в руки!

“Сеанс связи” проведен благополучно.

Подошёл я под скалы. Володя в полной скальной экипировке готовится к “движению”. Вера стоит в напряженной позе страхующего на маршруте. Саша ещё возится над рюкзаком, значит, и мне надо поторапливаться. Затюкают, если буду задерживать.

Солнце ещё шпарит, стена наша южная, скалы тёпленькие, значит, вперёд, пока есть время!

В это время раздаётся тяжкое тюханье. Невольно отрываюсь от возни и вижу Володю, лежащего на земле. Под скалою широкая полочка из мелкого щебня, и на ней-то распластанное на собственном рюкзаке плашмя валяется тело Руководителя спиной вниз. Срыв, значит.

Ни слова, ни стопа. Молча поднимается он и решительно подступает к стене.

Теперь я внимательно разглядываю, что она собою представляет. Круто, кажется, но не очень страшно, вроде. Расчленённые полки над 2х-3хметровыми “зеркалами” – гладкими монолитными отвесами. Впрочем, ему на месте виднее. Мало ли что случается?

Подхожу ближе, и на моих глазах руки Володи отрываются от верхней “ступеньки”, рюкзак разворачивает его лицом вверх, и он снова тяжело плюхается, где уже лежал только что.

Все молчат. Снова ни стоны ни звука. Только слышно стало рванное дыхание.

Третий срыв, вероятно, прошёл не так благополучно. Володя охнул и сцепил зубы. Может, спину повредил, а может, на копчик приземлился. Тоже очень больно, хотя не опасно, врачи уверяют. Постоял он, постоял, и снова пошёл к стене.

Моё ретивое не выдержало.

– Володя, давай я попробую.

– Не надо!

Однако, три срыва подряд кого угодно вышибут из седла. Он стоял, тяжело дыша и не решаясь, откуда и куда начинать на этот раз.

– Володя! Передохни. Дай я пока попробую.

Саша не вмешивался. Смотрел куда-то вдаль. Но Вера мягко чисто по-женски произнесла.

– Пусть ОН попробует... Отдохни пока!

Протиснувшись на освободившееся место, сразу потянул руки на ту полочку, на которой, видел, Володя висел перед вторым срывом. Достал! Подтянулся, вышел в упор на руки и задрал ногу на ту же полочку. Стал потихоньку выпрямляться, тянуть руку вверх. Подставил вторую ногу, и наконец, выпрямился в полный рост.

Внизу молчали.

Тогда схватился за следующую полочку над головой и тем же манером вылез ещё повыше. Приём пришлось повторить раз несколько, пока, как это часто бывает, дальше стало легче. Впереди уже просматривалось значительно более пологое и лёгкое скальное рёбрышко, за которым виднелся длинный снежник. Повезло!

– Стой!

Остановился.

– Принимай там!

Место было удобное. Снял рюкзак за камнем, уселся поудобнее и стал гадать, кто же первым пойдёт ко мне?

Подошёл Саша, не Володя. Тогда дал ему свой конец верёвки и сказал, чтобы он принимал снизу и одновременно выпускал меня наверх. Путь здесь был лёгкий, а время не ждёт! Вечер неумолимо приближался.

Теперь всё поменялось у нас. Нет, разговоров больше не стало. Но впереди теперь шёл я и командовал парадом. Не могу сказать, что это очень радовало меня. Нет, что не говори, приятнее, когда тебя не шпыняют по поводу и без, но с другой стороны, я как бы получил этим установившимся по-новому молчанием назначение и звание забойщика. Вот в этом своём качестве у меня как-то совершенно не было уверенности.

Но пока всё шло ничего себе. Как в анекдоте при падении с небоскрёба, пролетая мимо 20-го этажа: пока что всё хорошо!

Ночёвка расположилась под защитой огромного снежного надува над заиндевевшим скальным гребешком, похожим издали на индюшачий. Но совершенно белый. В скалы закрепили дно палаточки, в надув – крышу. Получилось просторно, надёжно, тепло и уютно.

Девушка проявила некую кухонную инициативу, причем, с этим качеством в данной группе товарищей особого избытка ни у кого не было. Ну, а меня ждала рация.

Вечером потрендеть после трудового дня, обычно, большое удовольствие. Иногда это волшебное время уходит на выяснение отношений, попреки и взаимные претензии. Здесь же всех разговоров было только, кто ляжет по краям, а кто будет греть бока посередине. Натурально, мы с Володей разлеглись подальше друг от друга.

Рация тоже не баловала общением. Лагерь нас не слышал из-за гребня, но кто-то помог и передал, мол, мы в порядке. После связи они снова вышли.

– Вы где?

– На Мижирги.

– На Мижирги?! По 5 А?

Уважительные интонации греют сердце.

– Какая ночёвка?

– Первая.

– Ага. Если будет непогода, ночуйте в пещере!

– Далеко до неё?

– Как повезёт... Но лучшего места не найдёте. Там можно и 2-3 дня пересидеть!

– Ладно. Спасибо. А вы где?

– На повороте (ледника).

– Вниз? Вверх?

– Домой с утра!

Встряёт новый абонент высотного эфира.

– Эй, Мижирги! Мы вас видим!

– Ну да!

– У вас фонарик в палатке!

– Точно! А вы где?!

– На перевале!

– Ну-ка, посветите фонариком, я посмотрю!

И полез за биноклем.

– Вижу! У вас, что, 2 палатки?

– Нас шестеро. Идём на Дых-Тау с юга.

– На Дых-Тау?! По шестёрке?

– 5 Б.

– Удачи!

– К чёрту! Погоды!

– И вам...

Всё. Темно. Снежная крупа шелестит по перкалю палатки. Что день грядущий мне готовит?

Что ему готовиться? У него всё по часам. Но почему мне не спится? Сначала так хорошо приморило в тёплом спальнике. Снился старый наш дом с висячими садами Семирамиды. Нет, садов там никогда не было, но на втором этаже был балкон гигантских размеров под Сады Великого Будущего. Раз балкон общий, никому не разрешалось им пользоваться. Раз не разрешалось, все жильцы этого этажа сыпали через окна при первой возможности. Особенно дети, особенно пока родители на работе.

Жил я этажом выше. И чудилось, что лазил я с того балкона к себе! Стена гладкая, бетонная, хватиться, вроде, не за что, но, помнилось, – лазил! Взрослым я уже был, специально ходил к знакомым посмотреть: нет, невозможно пролезть! Так на ж тебе: теперь во сне подходил к той стене и залазил к себе в окно. Одним – летать во сне, другим – лазать.

О, загадочная жизнь снов! До сих пор помню, как впервые лет в 9 чёрно-белый сон превратился в цветной. Снилось речная заводь с лилиями и ряской, тенью нависших деревьев, и дед мой на берегу спит, как всегда, пока мы купаемся. Всё, как наяву. И вдруг, вода стала зелёной, лилии – белосиними, кувшинки – жёлтыми, а листья на воде – тёмно, густо зелёными. Сквозь листья – голубое небо! Даже проснулся от неожиданности и тут же пожалел: так красиво было!.. Закрыв глаза, и вдруг, снова та же заводь!

Фарли Моуэт своей поэмой о волках открыл секрет управления снами. Надо не бояться бессонницы! Надо уговаривать себя, мол, не сплю, но не мучаюсь, отдыхаю. Можно настроить себя так, чтобы и просыпаться, когда нужно. Или засыпать.

Это было открытием. Попробовал и – получилось! С тех пор и будильник не нужен стал.

Вот и сейчас я не переживал, что не сплю, но было волнительно, какие скалы завтра будут? Трудные? Пройду ли? Не буду ли валиться, как переспелые сливы в саду... Срываться, как Володя... Надо будет очень постараться! С тем и заснул опять.

Утром сборы тянулись и тянулись. Снова всё молча, нудно. Снова чужак я в этой компании, и не выдержал, вышел первым.

Солнце яркое, но косые лучи скалы не греют. Зато лицо печёт. Достāju крем, очки.

Снег-скалы – пока идётся нормально. Вдруг впереди вырастает бастион. Сначала стенка, не очень сложная. Потом 2 мощные горизонтальные щели и огромное скальное “пузо” нависает непроходимо!

Что толку стоять и смотреть? Объявляю вслух, мол, рюкзак оставляю. Пойду без рюкзака. И пошёл.

Щели оказались очень удобные. Нижняя выступает чуть вперед, как раз под ноги. Верхняя на уровне груди, чуть отступивши вглубь, как раз для рук. И старый крюк показал себя. Постучал – хороший крюк! Попользуемся...

Смотрю, слева подалее ещё один крюк виднеется. Ага! Правильной дорогой идём, товарищи! Бастион-то, значит, обходится слева!

Где старый хорош, а где и новый крючок подобьём! Ползу себе по щелям дальше.

Однако, нижняя щель начинает уходить вглубь, а верхняя, наоборот, нависать. Это уже не так удобно! Заглянул дальше: нижняя полочка совсем исчезает под козырьком, в который вырождается край верхней щели. Дальше уже не заглянешь, надо подлезать поближе. Ещё шажок, левая нога срывается и висит уже без опоры. Подтягиваюсь на руках и... вижу пещеру! Огромный свод и... – совершенно гладкий пол! Да...

Как же здесь вылезать?

Выбрасываю на ровную плоскость пола левую руку с растопыренными пальцами во всю ширь, чтобы увеличить площадь сцепления и трение скольжения, как говорится в учебниках по физике. Перекачиваюсь чуть влево. Тут же и правая нога срывается с опоры и повисает тяжким грузом. Лихорадочно выбрасываю правую руку параллельно левой. Всё, вишу на предплечьях, и ни одной зацепы для пальцев! Пол гладкий, как асфальт из-под катка.

Надо же что-то делать, так долго не повисишь.

Задираю левую ногу и закидываю пятку на тот же пол Пещеры. Подтягиваю плечо, чтобы ухватиться левой рукой подалее. Травинка там, что ли? Или земля мокрая? Скользко и моторошно... Пытаюсь подтянуться выше, хотя бы коленом выйти! Удалось. Теперь забираю правую ладонь на край, левую – подалее вперёд, и опираясь на правую, начинаю медленно переваливаться всем телом на плоскость пола... Лишь бы не сдёрнули меня сейчас верёвкой из страховочного пыла, им же не видно меня! А судя сейчас меня можно и пылинкой... Переваливаюсь наконец и тут же перекачиваюсь подалее от края.

Лежу, глядя на свод Пещеры надо мною, и пою Алилуя.

Выдохнул, встал, сделал себе самостраховку и пошёл посмотреть, что там за краем пола. От того места, где я вылез, и дальше со всех трёх сторон Света глубоко далеко внизу был виден ледник, где мы вчера шли. До самой Безенгийской стены. Сама Стена уже смотрелась на моей высоте. Воздух и Простор от моих ног до самого ледника и наоборот! Ладно, теперь это не важно, мы, считай, уже в Пещере!

Красиво с Высоты. Острыят, есть 2 занятия, которые начав, трудно прекратить: чесаться, где чешется и смотреть в огонь. Разглядывать окрестности сверху тоже очень увлекательно. Не зря же во всех городах строят Русские горки, Колёса Обзора или Эйфелевые Башни для осмотра. Не могу оторваться! Да и шевелиться не хочется...

После своей первой вершины дал себе зарок запоминать вид с каждого своего последующего восхождения. Что интересно – получалось! Каждый раз перед спуском настраивал себя, что это – последняя возможность увидеть и запомнить, внимательно оглядывался, закрывал глаза, вызывая увиденное перед мысленным взором, открывал глаза, проверяя впечатление. Таким образом, как бы, программировал память, и она потом покорно выполняла порученное. Зрительная память – тоже неплохой дисплей. А почему нет, если гуси, и те, отлетая, облетают свою территорию, запоминая – не сам придумал, а прочитал в книге об интеллекте животных.

Пещера – не Вершина, но уж больно красиво отсюда, и я пошёл к дальнему краю ещё разок взглянуть на Кавказский Хребет. Вдруг пол дрогнул под ногами, и раздался типичный хруст сдвигающейся породы. Как мышшь бросился я обратно под своды пещеры!

И затаился...

Всё стихло. Но по середине пола параллельно стене свода явно проявилась трещина и перегиб в абсолютной дотоле плоскости. Вот это да! “Страшно, аж жуть!”

Потоптался, попрыгал – ничего. Быстрее к делу!

– Страховка готова!

Верёвка явно ожила, но отнюдь, не побежала. Минут через 40 показалось Сашино лицо со здоровым красным цветом кожи и непривычно очень ожившими даже бегающими глазами.

– Ты вторую верёвку не прощёлкивал в карабины?

– Как здесь выходить?

Подвинул ему заготовленную петлю и подтянул за страховку.

– Что насчёт второй верёвки?

– Не прощёлкивал.

– Молодец! Крикни им, чтобы готовили передавать рюкзаки.

Отдохнуть я успел, и пока Саша развязывался и приходил в себя, рюкзаки я уже вытянул.

– К краю не ходи, плита живая!

Вера вышла со страховкой и по закреплённой верёвке, так что побыстрее Саши даже. Отдала одну верёвку мне и сказала, что у Володи есть зажим, вторая верёвка ему не нужна.

Логично. И очень разумно: Пещера забрала у нас уже почти два часа. Предупредил и её о плите пола и начал примеряться выходить. Но свод круто нависал по всему краю и не манил нигде. Вдруг Саша подошёл.

– Становись мне на плечи!

– Подложи хоть что-нибудь под трикони.

Трикони – это такие фигуристые железяки, подбитые на подошвы ботинок для устойчивости на льду, снегу, траве, но не на живом теле. Лазить по скалам в них тоже нужна привычка и сноровка, но мы лазали. Престарелые ныне туристы-альпинисты ностальгически нежно вспоминают эту тяжеловесную обувь, но всё-таки современная специальная резиновая подошва вытеснила раритет, и теперь один мой приятель даже не может найти отреконенный экземпляр для экспозиции.

Подивил меня Саша! Но и очень помог. Чудны дела твои, Господи!

Следующий “ключ” на маршруте тоже требует подробностей. Это был настоящий Гиперболоид инженера Гарина только без зеркального блеска. Огромная нависающая тщательно отполированная вогнутая поверхность без малейшей трещинки или зацепки. Мы стояли, разглядывали и молчали.

Наконец, чтобы не затягивать и так уже установившуюся тишину, заявил я, что достаю скалолазные галоши. В них-то и начал ползать на трении по нижней наименее крутой части “зеркала”, придерживаясь ладонками для равновесия. Прошёл справа налево, потом слева направо – ничего не нашёл.

Ходил туда-сюда, понимал, как смешно это выглядит со стороны, но не мог остановиться, как белка в колесе. Внезапно на удалённой влево максимальной амплитуде в глаза мне ударил яркий свет прямо из скалы. Инстинктивно отшатнулся и чуть не полетел вниз. С трудом восстановил равновесие, отступив на самый краешек нижнего, повисшего там над пропастью гиперболоида, и посмотрел наверх. В самом центре нависающей надо мной изгибающейся стены разглядел блестящую, хромированную, великолепно отполированную табличку с гравированным готическим текстом о гибели именно на этом маршруте моего земляка.

Нет, я не знал его. Но я знал о нём. Брат его приходил к нам и просился в наши сборы в Безенги как раз, чтобы посетить место его гибели. Брат был из другого ведомства, другого спортивного общества, но я своей волей включил его в списки кандидатов, и не моя вина, что он не прошёл по конкурсу: студенты – народ активный, спортивный, Безенги привлекал всех.

Похоронная табличка привела меня в чувство. Сразу снизошло сосредоточенное спокойствие. Во-первых, маршрут, значит, проходит здесь. Во-вторых, люди его как-то проходили? Значит, путь есть. Найдём его методом исключения. Слева опасно, нет выхода и не видно никакого пути дальше. Весь Центр смотрится совершенно непроходимым. Справа вверху нависает зубец, и за ним, вроде, видно выполаживание, что ли? Значит, пробуем сюда.

С разгона удалось подбежать повыше – спасибо галошам! – и резко выпрямившись, ухватиться правой рукой за тот самый отмеченный снизу зубец. Нет, правой не годится, правая рука держит и не пускает вправо, только влево. А надо потом идти вправо, а не влево снова на непроходимый гиперболоид. Повторим ещё разок, хотя спускаться теперь тоже страшновато. Спрыгнул мягко, как кошка, и побежал по стене вниз, проскальзывая руками. Так, теперь снова наверх и левой на зубец! Есть! Потом на левую положил ладонку правой, подтянулся, перебрался направо за перегиб и повис: для ног ничего не нашлось.

Ага! Второй зубец открылся с другой стороны как раз на расстоянии вытянутой руки, если повыше подтянуться. Выстрелил правой, как хамелеон языком.

Теперь, наоборот, левую ладонку положил на правую, подтянулся и поставил ногу на освободившийся Зубец номер раз. Встал, опираясь на руку. Поставил вторую ногу на Зубец номер два. Только после этого нашёл что-то для рук над головой. Зато выше пошли себе как бы ступеньки, менее сложный гребешок и за ним снежник, кажется, до самой вершины.

В галошах на снегу не очень сподручно, но не смертельно. Лучше так стоять, чем до того висеть на одной руке.

Следующая подошла почему-то Вера с Володиным зажимом. А-а-а, понравилось им, как я самостоятельно поднимаю рюкзаки, что ли? Вера же не будет вытаскивать их, а страховать будет, никуда не денется. Ладно.

Первым был как раз мой рюкзак с привязанными к нему моими же ботинками. Так что всё к лучшему в этом лучшем из миров, как правильно заметил товарищ Вольтер.

Когда появился Саша, винюсь, только из зловредности не стал ждать последнего и пошёл себе вперёд, топтать снег к Вершине. Понимал, что Володе смерть до чего захочется выйти первым, так что это был наш ответ Чемберлену.

“А ты к Вершине шла, а ты рвалася в Бой!..”

Ведь Эльбрус из самолёта – видно здорово!..”

Уже на подходах к вершине дул нешуточный ветер. Облака белой кашей болтались снизу, заволакивая постепенно долины. Длинные белые языки их протуберанцами вырывались наверх, и тут же ветер разрывал их в клочья, и они исчезали в безбрежности неба. Процесс, который тоже можно смотреть до бесконечности.

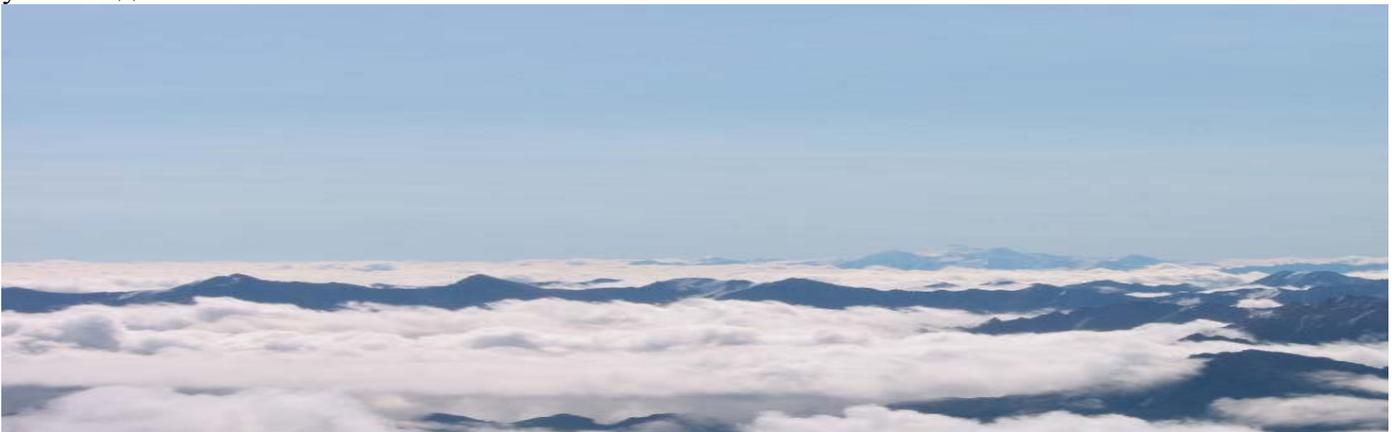
Вдруг страшный грохот раздался снизу. Резко оглянулся, вижу, Саша идёт следом, а Вера стоит, как обычно, без того напряжения, которое всегда у страхующего при срыве страхуемого. Значит, с Володей порядок, просто, кажется, не будет больше Пещеры в описаниях маршрута на Мижирги... А жаль. Действительно, очень романтично смотрелась. Может, мы последние, кто видел её? А Володя, оказывается, тоже из любопытствующих, значит, прошёл он за трещину на полу, вот что это значит! Так потом и оказалось. И напрасно: “Зачем вы ботик потопили?”

Ну, вот и Вершина!

Пологий, нечем не примечательный бугор из снега. И вид оттуда далеко не ахти: всё затянуто белыми облаками, лишь невысокие пички отдельных вершин торчат на сплошном белом фоне. Для величественности не хватает всё-таки контраста Глубины, далёкого Ледника, мощных провалов, скальных рёбер и снежно-ледовых обвалов, обрамляющих вершины.

Слой облаков создаёт иллюзию невысоких знакомым горам, некоторые из которых, как мы знаем точно, выше 5 км над уровнем Моря.

Белые протуберанцы по-прежнему рвутся заполнить Мижирги с головою, залить-затопить всё белою мрякою, но и Его Величество Ветер не спит – рвёт мряку в куски и клочья, уносит их над головой и там уже разрывает до субатомных размеров. Небо над нами всё ещё голубое. Но внизу – лишь плоскость бесконечной белой каши, она снизу подпирает, покачиваясь, всё выше и выше, и вот уже – под самыми нашими ногами.

Купол над облаками вдали – Казбек!

– Давайте спускаться, пока хоть что-то видно!

Молчание, как всегда, было мне ответом.

Статистика утверждает, большинство несчастных случаев в горах случается на спуске. Это понятно, ибо Вдохновение ведёт Наверх, а на Вершине волей-неволей человек выдыхает удовлетворённо. Известен случай, когда восходитель взошёл на Эверест и сказал, что вот теперь можно и умереть, как все мы часто говариваем, когда добиваемся своей Цели. Но тот человек действительно погиб, хотя никто не видел как. Предполагают, сам бросился в пропасть.

Есть и ещё один Закон Природы, неуёмный и непрменный, как Закон Подлости. Расслабление как-то незаметно привлекает усталость, темп замедляется, а Ход Времени, наоборот, не изменяется ни в коем случае! Потом темнота вдруг ниспадает, или камнепады внезапно сыпятся, кто-то вдруг ногу подворачивает, короче, приходит беда, открывай ворота.

Нечего дразнить гусей и провоцировать Проведение, тем более, что туман внизу не добавлял бодрости. Поэтому, я продолжал настаивать.

– Кто пойдёт первым?

– Ты иди!

Тоже справедливо. Первым поднялся? Вот первым и иди вниз! Ну, и пойду. Забил в снег Сашин ледоруб с петлёй на втором конце “моей” верёвки. Он послушно встал сверху, а я козлом поскакал вниз, придерживаясь за свою же верёвку.

Не потерять бы направление! Спусковой гребень только вначале очевиден, потом безбрежные снежные поля увлекают не известно, куда. Впереди что-то чернеет. Туда, что ли?

В белой каше тумана всё зыбко и нечётко: только через 3 верёвки спуска по снежнику с вкрапленными ледовыми пятнами “черное” проявилось огромным треугольным камнем, торчащим из снега. Прямо сверху видны были 2 старых крюка. Грамотно! Один для спуска, один для страховки – спасибо, ребята! Подбил их на всякий случай, подвесил опять конец своей верёвки и покатил по ней дальше.

Здесь, ниже вершинного гребня, ветру разгуляться негде, и стало значительно теплее, чтобы не сказать, жарко, пока бежишь.

Едва Вера спускалась к Саше, я был уже готов и срывался вниз. Володе, идущему последним, конечно, похуже. Зато идёт он по уже готовым следам. А главное, теперь чётко в конце каждой верёвки спуска находились готовенькие крючочки. Не все годились, некоторые приходилось перебивать, но в направлении – не стало сомнений!

Вдруг валун в конце верёвки оказался “чистым”. Так... Что, приплыли? Но вокруг ничего подходящего больше нет! Более того, и справа и слева, даже прямо под нами снежник явно обрывается в пропасть.

Что называется, облизываю камень со всех сторон и – ничего не нахожу! Главное, камень цельный, ни единой трещинки! Сам округлый, покатый, за него не зацепишься...

Пробую спуститься ниже, нет, дальше, действительно, пропасть, и далеко-далеко внизу виднеется узкая перемычка, за которой свободный просмотр до самого ледника.

Кажется, мы спустились ниже облаков, потому что снова широкий обзор, только теперь, наоборот, вершин не видно, а лишь затянутое белое небо, в которое упираются мощные склоны, как бы держат плечами облачный слой. В этом прикрытом сверху пространстве всё кажется близким, как локоть, который, как известно, не укусишь. Всё обозримо и рядом, но как туда спуститься?

Наконец, руками очистив снег внизу, вижу трещину и в ней старый, нет, старинный, из тёмного железа крюк. Ухо его под карабин с верёвкой смотрит вертикально вниз.

Это что же значит? Спускаться в пропасть, да ещё и начинать с того, что прыгать вниз – сразу под камнем был обрыв с глубоким, даже, глубочайшим обзором, – на верёвку, которая закреплена за крюк, который твоя же верёвка дёргает твоим прыжком именно вниз, вырывая этот не известно когда забитый крюк из единственной там трещины?!

Но другого решения не видно.

Все уже собрались и ждут меня. Я елзю, пробую подбить крюк – нуль! Забить рядом другой – фиг! Залажу, подлажу, снова облизываю глазами, очищаю руками – ничегошеньки!

И тут вспоминаю, как погиб на Мижирги мой земляк.

Он спускался на эту самую перемычку, и у него не хватило верёвки.

Такое случается, если приходится отрезать от неё кусок, если не хватает, например, страховочной петли, и приходится жертвовать куском родной верёвочки, а что делать?

Обычно они у нас длиной 40 метров. И надо же, в этом случае была именно такая же ровно высота. Тогда он достал и подвязал репшнур, тоненькую вспомогательную верёвку, которую обычно используют, как минимум вдвое. А то и вчетверо. Но и репшура у него было в обрез.

Пришлось ему рисковать, взяв одинарный реп.

Уж не известно, от рывка, или при раскачивании, чтобы попасть на перемычку, но он улетел. Остался только обрывок репшура.

Хорошее воспоминание. Полезное.

Попросил тогда Сашу подстраховать меня через ледоруб в снегу.

Но хороший глубокий снег был намного выше камня и тем более страховочного крюка!

Поэтому, главное, просил я, слушать. Если мне не хватит верёвки, как моему земляку, хотя мы – ей-ей! – не резали от неё ни грамма! – выдать мне, если попрошу, страховочную верёвку и отпустить без неё.

Но верёвки хватило, и спусковой и страховочной, правда, в обрез.

На перемычку я не попал, пришлось устроить небольшие качели. Когда же приземлился, а перемычка, действительно, была, что называется, на ширину плеч, меня ещё качало и дыхание не отличалось равномерностью. Зато длина перемычки не была длинной, и освободив спусковые петли, обеих верёвок хватило отступить подальше под тот самый гребешок, где была наша первая ночёвка.

Здесь закрепил я конец спусковой верёвки и выдал страховочную наверх для следующего.

Вера спустилась без приключений, но не без волнений, зато гораздо безопаснее – прямо на площадку, не заходя на перемычку. Тогда я занялся палаткой.

Когда Саша приплыл, уже была дополнительная подстраховка, а в палатке уже шумел примус.

Когда Володя начал спуск, мне вздохнулось с облегчением, а Вера уже поила нас с Сашей чуть тёплым, зато сладким чаем.

Володя спускался по двум верёвкам, или как принято говорить у нас, по двойной верёвке и завис почему-то в пустоте где-то метрах в 10 над нами. Там он продолжал себе висеть, бормоча себе что-то под нос.

Минут через 20 бормотание увеличилось в громкости, а через пол-часа в нём явно стали прослушиваться явственно непечатные слова.

– Володя! Тут же женщина!..

Настроен я был благодушно. На этом сложные участки заканчивались, дальше спуск шёл по троечному маршруту до самого перевала Селла под нашей Мижирги, откуда и до ледника рукой подать. Но не мог же я упустить случай поддеть Руководителя, да ещё и по делу?

Вера тоже благодушествовала там в палатке.

– Пусть ругается, лишь бы спускался скорее!

Только Саша высунулся из палатки и проявил участие.

– Володя! Что там у тебя?

– Прусик затянулся! Не могу нож достать из рюкзака!

Ну, дела! Я-то думал, может, верёвки перекрутились, поэтому вылез, может, надо поправить, раскрутить, но такое – мне и в голову не приходило! Если “страховочный”, единственное, что привязывает альпиниста к спусковой верёвке, хорошо затянулся под собственным весом, то развязать его очень трудно. И подниматься по висящей натянутой верёвке тоже не подарок.

– Захвати верёвку снизу, сделай себе петлю для ноги, поднимись и распутай узел! Не режь репшнур!!

История моего земляка пульсировала под мозжечком. Если Володя случайно полоснёт ножом по натянутой верёвке, она может разорваться на раз! Даже если не заденет верёвку, он будет спускаться фактически без страховки. И дело не в том, что это не положено по альпинистским правилам, а в том, что как раз здесь это очень и очень опасно!

Если он отрежет ниже узла, мы не сможем потом продёрнуть верёвки... Чёрт его знает, что он сотворит в ажиотаже такой ситуации!..

Когда Володя начал спуск уже серело, но видимость была хорошая, что тоже утешало и радовало, как хорошо мы успеваем. Теперь, когда прошло уже минут сорок, стало совсем темно. Чем он там занимается? Что он там делает? Нам уже не оценить отсюда. А если злосчастный крюк наверху именно сейчас вырвется?!

Володя виднелся над нами смутным пятном на фоне светлого ещё неба где-то на высоте трёхэтажного дома. При срыве с такой высоты рывок рвёт верёвку. Её надо мягко протравить, чтобы самортизировать резкость рывка. Пришлось вытаскивать Сашу, и мы стали каждый на своём конце обеих спусковых верёвок.

Стоять было холодно. Совершенно не понятно, сколько ещё. На вопросы Володя не реагировал больше, лишь время от времени матюки раскатывались всё шире во всё более гулкой ночной тишине в горах.

Холодало стремительно. Небо начало прочищаться. Звёзды стали проглядываться кой-где. Снег под ногами отвердел, как камень.

Можно только удивляться, как долго Володя сохраняет работоспособность. Вообще-то, считается, что через пол-часа виса в альпинистской сбруе, человек начинает задыхаться. Володя барахтался наверху уже больше часа наверняка! Страшно было даже думать об этом, так как помочь ему сейчас мы не могли ничем.

Внезапно он замолчал. У меня аж захолонуло, как говорится, и в который раз задрал я голову вверх. Вдруг вижу, смутность Володина начинает приближаться, а ещё через пару минут, будучи ближе к нему, впихивал я Володю в палатку прямо, как он был, с кошками на ногах, всего в снегу и так далее. Кстати, он не выглядел промёрзшим, наоборот, от него пар шёл – молодец!

Верёвки мы с Сашей продёрнули, и не разбирая, сунули под полог палатки.

Сеанс связи я пропустил, ну да ладно. Всё хорошо, что хорошо кончается.

Утром с первыми лучами солнца мы не шелохнулись. И со вторыми, и с третьими.

Связь была прямо из спальника. Но часов в 10 мы восстановили прежний порядок, и я по-прежнему довольно успешно себе на удивление стал выбирать наш путь.

Для дневной связи опустил я в ямку за небольшим камнем посреди безбрежного снежного склона. Когда подошёл Саша, уселся я на рюкзак, из которого уже достал рацию, разложив вокруг себя и на колени батареи, коробку, рукавицы и прочий хлам. Даже каску снял и в неё забросил всякую мелочь, чтобы не потерять в снегу. Антенну забросил поперёк склона как можно дальше.

Саша стоял передо мною и начинал выбирать Веру. Вдруг сверху раздался истошный вопль:

– Камень!

Потом и Вера и Володя сверху продолжали орать, но нам уже было не до них. Вокруг шрапнелью, миномётной россыпью летели камни самых разнообразных размеров.

Мелкие камни свистели, как пули. Часть вставала в снег, зарываясь глубоко вглубь и оставляя на снегу точки и линии с рубленными отвесными краями. Другие просвистывали над головой, и увидеть их просто не удавалось, они пролетали и исчезали, растворялись в воздухе ниже.

Камни покрупнее гудели и выли, как настоящий снаряд.

Огромный камень размером намного больше меня встрял в снег метрах в десяти от нас с резким шлёпающим звуком. Над белейшим нетронутым снегом возвысилось столбом его остриё высотой метра полтора.

Другие камни приличных размеров рвали воздух зловещим шуршанием и шлёпались в снег со всех сторон. Некоторые с сухим щёлканьем попадали в уже упавшие ранее камни, мелкими осколками разлетаясь не только вниз, но и вверх. В своём шмотье потом я нашёл три таких осколочка.

Камень, под которым я сидел, был хорошим укрытием. Он надёжно прикрывал всё тело и примерно две трети головы. Линия неприкрытой трети ощущалась физически, как будто кто-то провёл линию чем-то холодным прямо по коже.

Надо бы освободить каску и натянуть её на голову! С другой стороны, против таких камней каска не поможет, да и ничто не поможет при прямом попадании...

Вспомнился Лермонтовский Фаталист, и снизошло даже не спокойствие, а прощальное настроение. Показалось, я хорошо сижу! Если срежет макушку, останется мужчина во цвете лет лицом к Кавказу под собою. После успешного восхождения на МИЖИРГИ!

Почему-то казалось, что лицо останется просветлённым и неизуродованным. Нехудший финал суматошной и бесполезной жизни...

С таким настроением, наверное, надо переодеваться в чистое бельё и в последний наряд.

Саша в это время чувствовал себя совершенно незащищённым. Он подскочил к моему камню, упёрся руками у меня над плечами по обе стороны головы, присел и пытался увернуться от летящих камней.

Лицо его было в 20 сантиметрах от моего носа. Хорошо было видно, что дёрзания его отстают от звука пролетающих пуль и снарядов. Даже большие бомбовые заряды успевали приземлиться, пока он дёргался иногда в ту же сторону. По лицу его пробегали волны, как отражения звуковой атаки, сыпавшейся сверху.

Сашины глаза были прямо напротив моих, но он меня не видел.

Не узнать было этого обычно довольно флегматичного человека. Глаза метались по склону, руки дёргались, соскальзывая мне на плечи и снова на камень, пальцы дрожали, сжимая мне куртку и кожу временами – он был возбуждён до крайней степени!

При этом лицо его было передо мною, как на экране! Театр одного актёра! Можно было разглядывать сколько угодно, я улыбался, заглядывал ему в глаза, окликал – Саша не реагировал. Всё-всё было направлено туда, откуда шёл обстрел!

Наконец, – всему, по Пруткову, бывает конец! – закончился и камнепад. Наступила тишина. Последний крупный каменный кубик беззвучно и мягко скатился по соседнему склону и остановился прямо на нашем уровне.

К Саше вернулась обычная размеренность. Только голосок срывался на дискант.

– Ребята! Вы что там, совсем озверели?

– Да ты что, Саша? Это не мы! Это откуда-то сверху, похоже, с самой вершины!

– Но там же никого нет!

– Ну так что? Никогда не встречал, как камни сами по себе падают?

– Если бы вы видели, что здесь творилось!

– Да мы видели! Сами еле успели отскочить в сторону!

– А нам здесь некуда было отскакивать!

Моё предложение перекусить прямо здесь по той логике, что снаряд дважды не падает в одну и ту же воронку, поддержки не встретило. Мы благоразумнейшим образом спустились ещё ниже к перевалу, перешли за перегиб, куда уже никакой камнепад не достал бы, и там уже устроили привал.

Сразу накатила приятная усталость и нега. Вернулось благодушие и подавляемая преждевременная радость, что восхождение не просто завершается, но что свою первую пятёрочку я отработал по-честному. Конечно, ещё надо топать и топать, но всё-таки...

Решил ещё раз послушать эфир. Мы были над поворотом ледника, под самым перевалом, где наилучшая слышимость при радиосвязи.

Как ни странно, эфир был наполнен переговорами. Очень странно. Но попробую хоть и в неурочное время доложить, что мы, мол, в полном порядке. Неожиданно меня оборвали.

– Мижирги! Если всё в порядке, больше не выходите, не засоряйте эфир!

Так. Значит, где-то что-то случилось. Послушаю дальше.

Переговоры шли сразу с несколькими группами, кому куда подниматься, что с собой брать. Вдруг мелькнуло имя Эдика. По именам называют только инструкторов, всех участников по именам и не упоминаешь, их знают только руководители групп и отрядов.

Из инструкторов в Безенги был только один Эдик, наш тренер и инструктор наших сборов.

Послесловие 1.

Это долгая и трагичная история, к которой вернусь обязательно.

Успешное восхождение со всеми приключениями навсегда слилось у меня с болью и печалью о гибели хорошего человека.

Они тоже попали под камнепад, но Эдик оказался в то время в коридоре между двумя скальными стенами, отражавшими и дробившими камни в многократно более плотный обстрел. Он ещё пытался вытолкнуть из коридора девчонок из своего отделения, когда камень настиг его прямо в лоб. У него была отличная реакция, он успел прикрыться рукой, но камень пробил всё...

От группы я сбежал и в спасательных работах поучаствовать успел до самого следующего рассвета.

Когда стало понятно, что спасательные работы касаются наших сборов, я передал Володе рацию и объявил решительно, что бегу вперёд помогать. Конечно, подспудно я рассчитывал, по крайней мере, не удивился бы, если остальные сказали бы, мол, погоди, мы с тобой. Они не обязаны были, все наработались и устали, безусловно! Но там наши были в беде, им нужна была помощь, и кем бы я был, если не бросился бы к ним?

– Хорошо. Только доложи там начальству, откуда ты.

– Доложу.

Больше говорить было не о чем. Лихорадочно собрался и рванул вниз.

Помню, что бежал в полную силу. Реакция была, как у Саши только что под камнепадом. Смотрел сразу во все стороны: вверх, на бегу проверяя новые камнепады, по сторонам – искал людей, вниз – где лучший путь. Тропы не было, но сначала снег, а потом камни и осыпи да ещё вниз – бежалось быстро. В голове лишь одно стучало, были бы все живы!

Вся остальная группа с Мижирги спустилась благополучно к обеду следующего дня.

Старался не сразу терять высоту. Перебегая за ближайший перегиб, убеждался, что за ним никого нет, тогда бежал вниз, выбирая, где поудобнее, и снова траверсируя за следующий гребешок.

Буквально, мне показалось, минут через 20 выбежал к первой транспортировочной группе.

6 человек спускали из-под соседней вершины носилки с раненым. Его узнал я сразу, Юра из нашей секции. Он откидывался, закрывал глаза, видно, от боли, и снова поднимал голову. Наверное, это страшно: быть беспомощным и смотреть с высоты носилок на крутизну склона, по которому,

если упустить носилки на железных полозьях, то неизвестно, где они останутся? Наверняка в трещине на леднике далеко-далеко внизу.

Впереди идущий слева поскользнулся, упал на задницу, но ручку носилок не бросил. Они нависли над его плечом, все остальные упёрлись, стараясь не дать грузу всей кавалькады проскользнуть, а я бросился поддержать, пока упавший поднимется.

Система была простая. Две команды по 6 человек сменяли друг друга. “Отдыхающие” несли по 2 рюкзака “за себя и за того парня”. Сзади двое инструкторов держали верёвку, подстраховывая привязанные носилки, которые опускались при “сменке”. Мне сразу определилось место подстраховки снизу. Этим дело слегка ускорилось, только мне не было смены пока не подошла ещё четвёрка снизу – это “снимали” группы с ближайших маршрутов восхождений.

Спустились на береговую морену, здесь была тропа, и стало полегче.

Показался “поворот”, тут спуск по крутому льду, о котором старался не думать пока что.

Одинокая фигура сидела на леднике, накрывшись плащом. Услышав нас, он встал и оказался начспасом – начальником Спасательного Отряда Безенгийского района. Энергичными взмахами он показал, что идти надо к нему. Там мы увидели лебёдку с тросом, установленную чуть ли не на середине ледника, и двух спасателей. Третий вынес нам навстречу кончик троса. Далее прямо лебёдкой по крутому льду спускались носилки и два спасателя для выбора правильного направления и поддержки положения раненного. Нас всех отправили пешком по обычному пути.

Пошёл докладываться.

– Где остальные?

– Были под перевалом, когда я уходил. Сколько раненых?

– Двое участников.

– Что с Эдиком? Почему его не спускают?

– Эдик мёртв.

– Не может быть!!! Это точно?

– Врач поднимался вверх и подтвердил.

Голова стала пустая и гулкая, как чугунный котёл. Главное, это я – я предложил ему участвовать в наших сборах! Я уговорил не ехать в стройотряд на заработки! Он хотел подработать, у него только Люшка младшенькая родилась... Я пообещал устроить оплату тренера и инструктора сборов, плюс работа в альплагере... Зачем я это сделал?!

Эдик – балагур, весельчак, классный альпинист, консультировал в киносъёмках, в “Вертикали” работал с Высоцким. Лицо Эдика стояло перед глазами. Как сказать о нём жене и детям?

– Как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Пойдёшь вверх помогать?

– Пойду, конечно.

Делать! Что-то делать, иначе можно завять.

Вверху показали вторые носилки. Носильщиков там было только четверо и один страхующий. Двигались они чрезвычайно осторожно и медленно. От “освободившихся” от первых носилок группа уже шла к ним. Двинулся их догонять. В голове крутились те же вопросы. Тяжёлая рука Судьбы нависла совершённой Непоправимостью.

Шагал, как машина. Ни усталости, ни голода, никаких желаний. Догнал и перегнал группу, подменил нижнего и так и остался при этих носилках до самого альплагеря.

Во вторых носилках был другой Юра. У обоих перебита нога, только у одного левая, у другого – правая.

На повороте заметил четвёрку инструкторов внизу на леднике, быстро волокущих что-то скрученное в палатку. Это было всё, что осталось от Эдика.

Особенно трудно стало в темноте. Носилки раскачивались, толкая нас, куда – не видно. Команды носильщиков уже были по 8 человек, сменялись через 10-15 минут, но когда вышли на морену, небо светлело, и все уже еле шевелились. Тут подскочили рабочие и все, кто мог, и нас отодвинули.

Повар прокричал всем идти в столовую, но ещё не скоро потянулись туда.

Вождь, казалось, сразу же разбудил меня, вопросом, что теперь делать? Везти мёртвого домой? Похоронить в Пятигорске? Примеряя на себя, сказал, что домой.

– Ты хочешь повесить сейчас на семью ещё и похороны?

– Но мы все тоже поедem туда.

– Нет. Он погиб в горах, и хоронить его надо здесь. Собирайся и езжай приготовить всё. Семья приедет сегодня к вечеру.

На Пятигорском кладбище впервые увидел, как маленький экскаватор готовит ямы впрок.

Вокруг стояли Мрамор и Гранит, Памятники и Стеллы, непривычной помпезности и размеров: на Кавказе чтут мёртвых. В головах часто были вишни, алыча, слива, плодовые деревья. На могилах – стаканы вверх дном, иногда – початая или даже полная бутылка, чтобы и прохожий мог помянуть.

Яма совершенно не годилась. Глубина – чуть выше колена. Бросился к директору. Тот молча протянул мне лопату. На обратном пути смотрю, гроб стоит в сторонке, люди толпятся рядом, а двое в чёрных парадных костюмах торчат по пояс из заготовленной ямы и копают. Экскаватор был приспособлен для канав, не для могил.

Когда в каменистом грунте мне удалось прокопать два лопатных штыка, появились первые ребята с гор. Если бы не они, мне и до утра не справиться было бы.

Народу было много на похоронах. Речей не помню совсем.

В городе пришлось заняться пенсией Эдика семье, компенсацией по зарплате при потере кормильца, адвокатом для дела, в котором нет и не может быть вознаграждения больше законного – все деньги, что собрали ребята для осиротевшей семьи едва хватило на билеты и похороны – о спонсорах тогда речи не было.

Слепой адвокат Рогачевский, если правильно запомнил, с трудом ходил, водил его сын. Он же писал все документы под диктовку отца. В стране, где всё ради человека, всё для него родимого, пенсии платили – 22 рубля на ребёнка в месяц.

На суд приехали из Москвы адвокат и Представитель Всесоюзного Совета Профсоюзов Страны рабочих и крестьян отстаивать народные деньги от наглых посягательств. К тому времени виновные в камнепаде и несчастном случае были найдены и строго наказаны. Потеряли работу начуч альплагеря Безенги и ответственный за этот объект в Управлении. Но нужные справки мы собрали, а кой-что и вырвали с немалым трудом.

Судья волновалась и очень хотела, чтобы и волки были сыты и овцы целы. После совещания объявленное решение гласило: дать 80% компенсации. Рогачевский задёргался и захлебнулся словами.

– Всё, – сказала громко судья и стукнула молотком, как полагается. Тогда Рогачевского прорвало, наконец.

– Дура! Это копейки! Тебе стыдно будет!

Крикнул в полный голос. Тишина аж зазвенела. Судью передёрнуло, и она пошла к двери.

Тут и у меня в голове сосчиталось, и я побежал догонять судью пока она не скрылась. 80% означало доплату в 3 рубля 20 копеек. К счастью, законное решение тут же с общего согласия незаконно переделали, и дети в итоге получили по 24 рубля доплаты к пенсии.

Жена Эдика после его гибели вернулась в Горы и работала, как и он, инструктором.

Дружба с наследниками Духа и Памяти Эдика длилась долго, пока Смерть не забрала одних и Жизнь не разбросала других далёко-далеко.

Послесловие 2.

Прошло некоторое количество лет, и я спросил как-то при случае нашего тогдашнего Вождя и Учителя.

- Зачем Вы поставили меня тогда в ту группу, на Мижирги, помните?
- А что?
- Да слабая группа... я, второразрядник, оказался там самым “сильным”.
- Потому и поставил.
- Почему потому?
- Потому!

Послесловие 3.

Ещё через сколько-то лет мы снова перехлестнулись, и опять я не выдержал и снова при okazji задал тот же вопрос.

- Чтобы тебе служба мёдом не казалась!

Послесловие 4.

Всюду только и слышно, что от чрезмерной централизации управления развалилась огромная Советская Империя. На этот счёт у меня с моим привычным недоверием к общему мнению, есть своё объяснение, о том, что она “не могла не развалиться” или, как любят теперь выражаться, рухнуть. У меня полная уверенность, что ничего она не рухнула, а живёт себе и поживает и даст ещё нам всем прикурить. И не раз.

Система скукожилась, перетасовала фишки и карты, и замерла, выжидая, чтобы пережить временные невзгоды.

Просто одной из её неперемных черт была, есть и будет страстная жажда разрушения, причём, до основания, как поётся, или как можно ближе к тому же уровню, а потом уже с новыми силами построить всё по новому. Но... то же самое, конечно. Что, кстати, очень в природе человеческой, и многие-многие в своём собственном хозяйстве тоже устраивают себе эдакие локальные “чистки” время от времени, правда, втравливая в это изнурительное занятие как можно больше ближних своих. Что-то напоминает?

Вся История, по-моему, хорошо вкладывается в эту теорию, включая Гулаги с их стимуляцией повышенной способности смены руководящего состава.

Зато те из них, активистов разрушения и перестройки, кто успевает выпрыгнуть благополучно из колесницы, например, на пенсию, используют нерастроченный пыл на литературно-мемуарный, статистический или прочий околонуучный труд.

Поэтому были и прекрасные штрихи на теле нашего могучего баобаба. Например, издавался Ежегодник Советского Альпинизма! Там были все “приличные” восхождения каждого года! С полным составом группы и так далее.

Наше Мижирги тоже там было. Ежегодник появился, естественно, года через 3, но не важно! Храню его до сих пор, хотя при всей своей общительности своих тогдашних соратников искать мне никогда не хотелось, и они мне больше, к счастью, не встретились.

Нежное и даже умильное чувство возникает, когда находишь искомую страницу. И не без гордости, что не оплошал тогда на своей первой пятёрочке, прошёл её, можно уже сказать, своими руками, своими ногами все-все ключи и подключики!

В той же книжке ещё через несколько лет любования как-то нашёл я и результаты первенства Ленинграда за тот же год. Наше Мижирги под руководством В. Дорфа заняло там Второе Призовое место в классе скальных восхождений.

Группа, оказывается, была смешанная, был там один участник не из Ленинграда, а из Днепропетровска – указана Верына фамилия. Всего вошло 3 восходителя. В списке призёров именно моей фамилии не было. Чтоб не зазнавался!

